

ВМЕСТЕ ИНЭЙНЕМ

Ежемесячная газета Черкасского областного благотворительного
еврейского фонда „Турбота поколень – Хэсэд Дорот“

Издаётся с декабря 2000 года.

Адар/Нисан 5781 март 2021

№3(221)

Кошерного Песаха!

Малоизвестные обычаи праздника Песах

Песах (по-гречески и по-русски – „Пасха“) – весенний еврейский праздник, установленный в память Исхода евреев из Египта. Он начинается 15 Нисана и продолжается семь дней в Израиле и восемь дней в странах диаспоры. Первый и седьмой дни (первые два дня и заключительные два дня в диаспоре) – праздничные, как суббота (но приготовление пищи разрешено). В остальные дни разрешается работать, но с некоторыми ограничениями.

Название праздника „Песах“ еврейская традиция связывает с тем, что Б-г миновал („пасах“) дома израильтян, не тронув их во время казни египетских. Словом „песах“ в древности назывался годовалый агнец или козлёнок, приносившийся в жертву в канун этого праздника (вечером 14 Нисана). Его зажаривали целиком и съедали на семейной праздничной трапезе ночью.

Песах называют ещё „праздником опресноков“, так как в этот праздник заповедано кушать хлеб только из неквашеного теста (мацу) в память о том, что сыны Израиля, в спешке покидавшие Египет, были вынуждены изготовить хлеб из не успевшего взойти теста.

Центральное событие праздника – вечерняя праздничная трапеза в канун наступления Песаха. Трапеза и все ритуалы этой ночи называются „седер“ (буквально – „порядок“), полнее – „седер Песах“. Основная цель этой церемонии – рассказать детям об исходе из Египта. В Средние века выработался окончательный традиционный порядок обрядовой трапезы (включая форму ответов главы семьи на вопросы детей, застольные песнопения и т. п.), зафиксированный в Пасхальной агаде.

В 2021 году праздник Песах начинается вечером 27 марта, приблизительно в 19⁰⁰ и длится до захода Солнца 4 апреля.

Законы праздника Песах разнообразны и многочисленны, им посвящена почти шестая часть „Оррах Хаим“ – раздела Шульхан аруха (кодекс практических положений Устной Торы, составленный в XVI веке р. Йосефом Каро – ред.), где обсуждаются законы праздников. Но гораздо реже рассказывают о весьма разнообразных обычаях, связанных с этим праздником. Одни из них когда-то распространились повсюду и были хорошо известны, других и раньше придерживались лишь небольшие общины, а порой – только отдельные семьи. В этой статье речь пойдёт о малоизвестных обычаях праздника Песах. Некоторые из них возникли в сефардских общинах, а затем их переняли ашкеназы, с другими произошло прямо противоположное.

В Талмуде несколько раз упоминается принцип, в соответствии с которым вещь, послужившую исполнению заповеди, подобает использовать при исполнении другой. Исходя из этого, рав Йеуда бен Калонимус (Германия, XII в.) сохранял ветки растений, которые использовались в праздник Суккот для выполнения заповеди о лулаве (четыре вида растений – ред.), чтобы перед Песахом сжечь на них хамец. Подобная практика упоминается во многих трудах, посвящённых ашкеназским обычаям.

В Йемене было принято использовать лулавы, чтобы растапливать ими печи, в которых пекли мацу. А в наше время иракские евреи с той же целью используют ветки ивы, сохранившиеся после Ошана раба (седьмой день праздника Суккот – ред.). А евреи Сирии, Марокко и Багдада совмещали оба обычая, используя эти растения и для жигания квасного, и для приготовления мацы.

Среди ашкеназских общин распространён обычай: облачать ведущего седед в специальную белую одежду – китл, среди сефардов он принят только у евреев Марокко. Есть много объяснений этого обычая, противоречащих друг другу. Самое простое из них состоит в том, что белый цвет символизирует чистоту и святость. Поэтому белое принято надевать на Рош а-Шана, в Йом Кипур, Песах и другие праздники паломничества, а также во время свадьбы. Интересно, что во многих общинах этот обычай связывают с напоминанием о смерти, о саване, о бренности всего земного. Память об этом помогает человеку правильно оценивать приоритеты и формировать шкалу ценностей. По той же причине мы едим в эту ночь крутые яйца – пищу людей, соблюдающих траур. Эти традиционные признаки траура должны напомнить нам о разрушении Храма 9-го Ава. Эта дата всегда совпадает с днём недели, когда отмечают первый день Песаха.

В ашкеназских общинах принято на праздничную трапезу поставить на стол золотую и серебряную посуду, надеть самую дорогую одежду – всё, чем одарил нас Вс-вышний. Всё это – чтобы каждому были видны наши благополучие и радость, вызванные благосклонностью Вс-вышнего. Такой же обычай был принят в доме Любавичских Ребе, где в пасхальный седед на стол выставляли всю дорогую посуду, даже если её не использовали во время еды.

О великом раввине Йегуде-Ливе бен Бецалеле из Праги

(Маараль), рассказывают, что в его доме постоянно хранились оставленные в качестве залога золотые и серебряные приборы. В течение всего года он не пользовался ими, но в пасхальную ночь расставлял на отдельном столе, чтобы седед был более праздничным. Это должно было напоминать о драгоценных сосудах, взятых евреями у египтян во время Исхода.

В трактате Таанит (206) Вавилонского Талмуда мы читаем об обычае рава Хуны, который, когда бы ни ел, открывал двери дома и говорил: „У кого есть нужда, пусть приходит и ест“. Таким образом, открытые двери дома, где проводится пасхальный седед, символизируют приглашение. Об этом обычае нам напоминают слова Пасхальной агады: „Вот скудный хлеб, который ели наши предки в стране Египетской. Всякий, кто голоден, пусть войдёт и ест, всякий, кто нуждается, пусть войдёт и празднует Песах“.

Рав Матитьяу Гаон (Вавилония, X век) писал, что обычай его предков – оставлять двери открытыми в течение всего седеда, чтобы бедные евреи могли зайти и присоединиться к праздничной трапезе. Однако в его дни от этой практики отказались, поскольку бедным стали раздавать еду перед праздником, чтобы в праздничную ночь им не пришлось побираться.

В Йемене многие евреи также не запирали двери во время седеда, но по другой причине – они верили, что Избавление наступит в Песах, и хотели в случае необходимости быстро выйти навстречу Машиаху.

Евреи Ливии и острова Джерба вели себя совершенно иначе: первые два дня Песаха, а также в Новолетие (Рош а-Шана – ред.) „чужак не мог войти к ним в дом или пользоваться чем-то из их имущества“. По мнению исследователей, этот обычай возник со времён альмохадов – мусульманских фанатиков, насильственно обращавших евреев в ислам – когда евреи могли праздновать седед лишь подпольно. Однако другие учёные полагают, что этот обычай служил напоминанием о пасхальном агнце, ест которого разрешалось только членам семьи.

Согласно обычаю хасидов Хабада, входные двери открывают при прочтении отрывка из Агады „Излей гнев Свой...“. Это символизирует уверенность в особой защите Вс-вышним евреев в эту ночь – „лейль шимурим“ – „хранимую ночь“. Во многих общинах отпирают входную дверь перед наполнением „бокала пророка Элиягу“, чтобы впустить его в свой дом.

Во многих восточных общинах был распространён обычай: в определённый момент седеда кто-то из его участников одевался так, будто только что покинул Египет. Другие члены семьи задавали ему стандартные вопросы, на которые он отвечал, что идёт из Египта в Иерусалим.

У йеменских евреев отец семейства заворачивает в тряпицу несколько кусков мацы и закидывает их на плечо, как мешок. Присутствующие спрашивают его, зачем он это делает, и он отвечает: „Так поступали наши отцы, когда поспешно выходили из Египта“.

У евреев Марокко в подобном „представлении“ участвовали все члены семьи. Закончив читать Агаду, они клали на плечо палку со связкой обуви отца семейства и стремительно покидали дом, выкрикивая на ходу: „Так поступали наши предки в Египте“.

Похожие обычаи были у евреев Кавказа, Ирака, Курдистана, Джербы и Сирии. Однако впервые этот обычай упоминается в Европе: в Польше – в XVI веке, а в Венгрии и Германии – ещё в XII. В Пражской агаде 1526 года изображён человек с посохом и узлом, а рядом с ним – соответствующая цитата из книги Шмот. Не исключено, что это – изображение упомянутого обычая.

Во многих общинах Венгрии было принято, чтобы отец, преломив среднюю мацу, заворачивал афикоман в платок, клал его на плечо, вставал и произносил: „Идём, идём!“

Когда персидские евреи доходили до слов: „Вот скудный хлеб...“, было принято, чтобы ведущий седед брал три мацы, завернутые в белую тряпицу, и под столом передавал их другому члену семьи. Тот проделывал то же самое – и так до тех пор, пока маца не побывает в руках каждого участника седеда. Скорее всего, данный обычай преследовал цель не позволить детям уснуть во время длинной пасхальной церемонии.

В Марокко было принято трижды произносить перед началом седеда фразу: „В спешке вышли мы из Египта“. Глава семьи трижды обходил стол, слегка касаясь головы каждого участника пасхальным блюдом. При этом многие дети подпрыгивали, чтобы поддеть блюдо головой. Этот обычай возник в Испании в XIV веке. Первое упоминание о нём содержится в иллюстрированной Барселонской агаде (около 1350 года), где изображён отец, водрузивший пасхальное блюдо на голову одного из сыновей. А в Пасхальной агаде, изданной в Испании в 1488 году, перед словами: „Вот хлеб бедности“ есть примечание: „Поднимают пасхальное блюдо

и проносят над головами детей“. Упоминает об этом обряде и рав Хаим-Йосеф-Давид Азулай (Хида), посетивший Тунис в 1774 году. По его словам, во время седеда слуга взял пасхальное блюдо и трижды пронёс его над головами всех участников. Подобные обычаи, существовавшие у евреев Марокко и Измира, соблюдаются по сей день некоторыми выходцами из Марокко, Туниса, Ливии и Джербы.

Каково происхождение этого обычая? В 1932 году исследователь рав Шем-Тов Гагуин спросил об этом у марокканских раввинов. Они ответили, что если пронести пасхальное блюдо над головой человека, то это защитит его от всякого вреда и принесёт множество различных благословений. Однако сам рав Гагуин считал, что изначально этот обряд должен был удивить детей и побудить их задавать вопросы о смысле происходящего.

В Талмуде сказано, что во время седеда переворачивают стол, чтобы дети удивились происходящему и начали задавать вопросы (Вавилонский Талмуд, Псахим, 115б). А рав Моше Пизанти (Салоники, XVI век) писал, что во время чтения „Ма Ништана“ следует „поднять пасхальное блюдо и поставить на голову одному из участников седеда, чтобы остальные удивились и стали задавать вопросы“. Видимо, перевёрнутый стол Талмуда превратился в пасхальное блюдо на голове.

Рав Цидкия бен Авраам (Италия, около 1250 года) писал в книге „Шиблет а-Лекет“, что некоторые добавляют в харосет немного глины или толчёного кирпича в память о египетской глине. Этот обычай существовал во многих общинах. К примеру, рав Йосеф Философ (Салоники, XIII век) писал в книге „Бейт Давид“, что, по свидетельству стариков, в харосет добавляли толчёные камни.

Во времена Талмуда жареные зёрна и орехи считались лакомством наподобие шоколада или конфет (Мишна, Бава мециа, 4:12). Поэтому неудивительно, что рав Йеуда советовал в пасхальный вечер давать детям орехи и зёрна, чтобы они задавали вопросы и не заснули (Вавилонский Талмуд, Псахим, 109а). По свидетельству Иерусалимского Талмуда, подобным образом поступали многие мудрецы, например рав Гарфон.

Рамбам упоминает об этой практике как об общепринятой. Согласно Агаде Сончино, опубликованной в 1486 году, жареные зёрна и орехи следует класть на пасхальное блюдо, чтобы дети, опасаясь не получить угощение, не заснули до конца седеда.

Во многих общинах афикоман – кусочек средней мацы, которую съедают в конце седеда, – считался могучим талисманом, способным защитить от зла. В Польше в XVII веке было принято делать в афикомане дырочку, пропускать через неё шнурок и вешать его на стену. Этот обычай нашёл отражение и в художественной литературе: главный герой одного из рассказов еврейского писателя Давида Фришмана (1859–1922), еврейский мальчик из Варшавы, как-то раз был так голоден, что съел висящий на стене афикоман.

В Ливии и Тунисе афикоман брали в морское путешествие как средство от морской болезни. В Персии его носили в кармане как амулет, приносящий богатство. Там же полагали, что афикоман гарантирует мужское потомство, богатый урожай зерна и защиту от пуль, а кроме того, излечивает глухоту и предотвращает выход реки из берегов.

В древние времена, вплоть до конца Средних веков, нередко украшали узорами и рисунками... мацу. Это было очень трудным делом, так как опресноки ни в коем случае не должны были закваситься. Художник располагал считанными минутами. Позднее, чтобы не осталось никаких сомнений в кошерности мацы, раввины наложили запрет на подобные украшения.

Разумеется, мы не перечислили и сотой доли существующих пасхальных обычаев. Однако, если продолжать, то получится не газетная статья, а очень „толстая“ книга. Поэтому остановимся здесь, заметив лишь, что знание разнообразных пасхальных обычаев порой имеет важное „прикладное“ значение.

Как говорит Талмуд, основная задача пасхального седеда – заинтересовать происходящим детей, побудить их задавать вопросы и вообще участвовать в празднике как можно активнее. Однако современным детям, привыкшим к непрерывной смене впечатлений, повторяющаяся из года в год без изменений церемония может показаться скучной.

Вот почему для нас незаменимо знание пасхальных обычаев разных общин. Владая такими знаниями, каждый Песах можно проводить чуть-чуть иначе: один год – с элементами йеменского седеда, другой – венгерского или тунисского, третий – иранского и т.д. Так пасхальный седед не превратится в рутину и вместе с тем будет проведён в полном соответствии с аутентичной еврейской традицией.

Весёлого и кошерного вам праздника Песаха!

Евгений ЛЕВИН.

Клуб весёлых и не очень

Он придумал и вёл КВН, а потом основал театр вместе с Фарадой, Хазановым и Горинным. Когда оба детища из-за цензуры закрыли, Альберт Аксельрод вернулся в медицину – и создал первый в СССР Центр выездной реанимации.

Весной 1957 года в СССР появилась телепередача, надевшаяся в стране много шума. Называлась она ВВВ – «Вечер весёлых вопросов». В эфир она вышла всего три раза – потом последовало разгромное постановление ЦК КПСС. Зато именно на базе «Вечера весёлых вопросов» появился четыре года спустя «Клуб весёлых и находчивых» – и вот он-то, как мы знаем, процветает до сих пор. Одним из отцов-основателей и той, и другой программы был Альберт Юльевич Аксельрод – не зря первые кавээнщики называли игру не иначе как «наша аксельродина».

И это притом, что вообще-то он был выдающимся врачом, основателем первого в СССР Центра выездной реанимации – жизни, спасённые по разработанным им методикам, вряд ли поддаются подсчёту. В медицину Аксельрод пришёл случайно: земским врачом был его дед, военным медиком был и его отец. В 1934 году, когда Альберт родился, семья жила в Воронеже – его отец возглавлял там санитарно-оборонную кафедру Воронежского мединститута. Уже после войны отца Аксельрода пригласили в Москву – возглавить военную кафедру стоматологического института.

Вскоре в Первый Московский мединститут поступил и сам Аксельрод. Времени у него хватало и на учёбу, и на студенческие «капустники», которые вскоре были знамениты уже на всю Москву. На одном из таких вечеров творческой самостоятельности Аксельрод познакомился с выпускником МГИМО, журналистом Сергеем Муратовым, который только что организовал на телевидении молодёжную редакцию и искал таланты. Третьим в их компании стал блиставший афоризмами и шутками Михаил Яковлев – студент училища при МХАТе.

Аксельрод и Яковлев утверждали, что «Вечер весёлых вопросов» придумал Муратов, взяв за образец чешскую программу «Гадай, гадай, гадающий». Но сам Муратов всегда настаивал, что придумали они её все вместе, втроём. «Мы хотели сделать передачу, которая перевернула бы пресный и скучный ход телевидения, стала бы сродни фестивалю, который мы так ждали, – рассказывал Муратов. – В 1957-м мы выпустили её, первую в стране игровую передачу с участием зрителей – ВВВ, «Вечер весёлых вопросов». Она началась как триумф нового слова на телевидении, но прожизна недолго, а закончилась и вовсе скандалом – по тем временам опасным. Были даже закрытые постановления ЦК КПСС о нашей «вредности»».

В ВВВ зрители отвечали на вопросы ведущих, которыми в первом выпуске передачи были композитор Никита Богословский и актриса Маргарита Лифанова. Однако уже во втором

выпуске к ним присоединились «самозванцы» – Аксельрод и другой завсегдатай студенческих «капустников», Марк Розовский. «Можно сказать, что в истории телевидения произошёл знаменательный факт: впервые микрофон оказался в руках не только не профессионалов, но людей, официально ни за что не отвечающих. Передача произвела фурор. Родилась первая советская викторина», – рассказывал Аксельрод.

Передача предполагала весёлые розыгрыши призов в прямом эфире. В первом выпуске приз пообещали тому, кто до конца программы привезёт в студию седьмой том Джека Лондона, фикус в горшке и черепаху. Таких людей набралось аж 20 – им пришлось разделить между собой приготовленные три приза: организаторы просто не рассчитывали, что желающих поучаствовать окажется так много. Так что к третьему выпуску программы в сентябре 1957 года задание усложнили: нужно было явиться в студию в шапке-ушанке, тулупе и валенках, а ещё с самоваром и выпуском «Комсомольской правды» от 31 декабря 1956 года. Только вот о последнем, самом сложном пункте ведущие упомянуть забыли. И произошла «катастрофа». Сотни людей с самоварами в руках и в зимней одежде – а на улице стояло «бабье лето» – устремились к зданию МГУ на Ленинских горах, где располагалась студия. Они буквально смели дежуривших у входа милиционеров и прорвались на сцену – трансляцию пришлось остановить.

Не заметить этого руководство страны не могло. «Работники телестудии стали на путь подражания худшим приёмам и нравам буржуазного телевидения», – гласило постановление ЦК КПСС. – Подобный случай мог произойти только в условиях политической беспечности руководства телевидением». Программу закрыли, не помогли и письма миллионов зрителей с просьбой вернуть её в эфир. На телевидении вновь стало скучно. Через четыре года новый редактор молодёжной редакции захотела создать что-то похожее на ВВВ – и обратилась с просьбой о помощи к своему предшественнику Муратову. Он же вновь привлёк к мозговому штурму Аксельрода и Яковлева. Вместе они придумали конкурс студенческих команд, взяв за название популярную тогда марку телевизора и расшифровав её как «Клуб весёлых и находчивых».

Однако в перерыве между ВВВ и КВН Аксельрод успел поучаствовать с Розовским и Ильёй Рутбергем в создании театра-студии МГУ «Наш дом». Вот что друзья писали о тех временах в книге «Наш дом – ваш дом»: «Мы рождались не как театр, то есть коллектив, только играющий те или иные спектакли, а как студия – некое братство творческих людей, где все понимают друг друга с полуслова, где актёр и рабочий сцены – на равных, где всё делается собственными руками, где если последний рубль – то на всех и если слава – то поровну каждому. Мы делали коллективный театр».

Из «Нашего дома» вышли Семён Фарада, Геннадий Хазанов, Максим Дунаевский, Людмила Петрушевская и многие другие артисты. Со студией работали такие именитые авторы, как Григорий Горин и Аркадий Арканов, Александр Курляндский и Аркадий Хайт. Успеху этого «братства» завидовали многие профессиональные театральные коллективы. К сожалению, органам цензуры спектакли «Нашего дома» совсем не нравились – зачастую, чтобы дать постановку хоть раз, премьера объявлялась просто генеральной репетицией. Борьба почти за каждый спектакль велась все 11 лет существования студии. И всё же в октябре 1969 года все постановки «Нашего дома» были запрещены за «несоответствие высоким идейным образцам советского искусства». А в декабре 1969 года эстрадная студия «Наш дом» была «ликвидована» в полном составе.

Но тогда, в 1961 году, опыт написания миниатюр для «Нашего дома» крепко пригодился Аксельроду при создании первых выпусков КВН. Писал он их на пару с Михаилом Яковлевым – то у него на квартире, то у себя. К Яковлеву, кстати, частенько заходил молодой Владимир Высоцкий. Помните такие строки у него: «И было солнце в три ручья, сквозь дыры крыш просеяно, на Евдоким Кириллыча и Гисю Моисеевну». Так вот, Гисю Моисеевна – это мама Михаила Яковлева.

Аксельрод был не только автором сценариев, он стал и первым ведущим КВН. Он вёл программу вплоть до 1964 года, после чего неожиданно исчез с экранов телевидения. Сильно интересующимся зрителям отвечали: «Ушёл писать диссертацию». Но вот что рассказывал Сергей Муратов в одном из интервью: «Начальство стало требовать: смените ведущего Аксельрода, подыщите русского мальчика. Тогда это было очень вызывающе, что самый популярный в стране ведущий – еврей. Я никогда не хотел выяснять душно пахнущих деталей. Может, напрямую Алику и не сказали, мол, ты еврей и не лезь в кадр. Но, так или иначе, предложили уйти за кадр и скромно писать сценарии вместе со мной и Яковлевым. И когда его отстранили от ведения, мы все втроём отказались работать в передаче».

Игру, как известно, закрыли в 1972 году и возродили лишь в 1986-м. Но только в 1990 году Аксельрода пригласили поучаствовать в КВН в качестве члена жюри. К сожалению, он смог появиться в программе всего несколько раз – 30 января 1991 года Альберт Юльевич скоропостижно умер в возрасте 56 лет.

Алексей ВИКТОРОВ.

Еврейская сторона жизни Ганса Христиана Андерсена

Однажды Ганс Христиан Андерсен, будучи уже известным писателем, был в Венеции и решил посетить район еврейского гетто. Он зашёл вместе с другом в гости к еврейской семье, увидел на столе ТаНаХ, открыл книгу и, к удивлению хозяев дома, легко прочитал первые строки на иврите.

В своём творчестве Андерсен нередко обращался к еврейской тематике, часто в его сказках фигурирует девочка по имени Сара, правда эти сказки обычно с грустным концом. Откуда Андерсен знал иврит, и кто была девочка Сара.

А вот и ответ. Ганс Христиан Андерсен учился в еврейской школе, а подружку его юных лет звали Сара Хейман. Как так получилось? Ганс Христиан Андерсен (общепринятое русскоязычное написание, правильнее будет Ханс Кристиан) родился 2 апреля 1805 года в третьем по величине го-роде Дании – Оденсе. Некоторые биографы уверяли, что Андерсен – незаконнорожденный сын датского короля Кристиана VIII, но на самом деле будущий литератор рос и воспитывался в бедной семье. Его отец, которого также звали Ганс, трудился башмачником и едва сводил концы с концами, а мать Анна Мари Андерсдаттер работала прачкой и была малограмотной женщиной. Когда в школе для неимущих для Ганса не нашлось места, мать отвела его к господину Федеру Карстенсу и тот принял мальчика в свою школу. Факт, известный всем биографам.

Только очень немногие из них пишут, что господин Карстенс был еврей, и его школа бы-

ла еврейская.

Журналистка РЭКи Шуламит Шалит, взявшая за основу исследование Менахема Рэгева, утверждает, и проверить это несложно. Андерсен любил вести дневники, коих у него накопилось 12 томов. Вот там это всё и описано.

Его сказки о евреях никогда не переводились на русский язык, также нет в его «русскоязычной» биографии факта, что в 14 лет будущий писатель пережил еврейский погром. Он только что приехал в Копенгаген – один в чужом городе. Вот его запись в дневнике: «Вечером накануне моего приезда, произошло тут еврейская свара (Андерсен не знал слова «погром»), которая распространилась на многие европейские страны. В городе беспорядки, улицы полны народу. Шум, паника, переполох – это было много сильнее моего воображения, моего представления той поры о характере большого города».

Тогда ему запомнились факельные шествия, преследования евреев, как жгли книги, разбивали витрины. И этому был свидетелем подросток Андерсен. Кстати, больше в Дании евреев не преследовали аж до середины 20 века, когда Европой правили нацисты, но этот погром, будущий автор «Гадкого утенка» запомнил на всю жизнь.

Странный мечтательный мальчик не умел находить друзей, и Карстенс, директор еврейской школы, заметив это, часто занимался с ним отдельно, беседовал с ним и брал на прогулки вместе со своими сыновьями. Андерсен очень дорожил симпатией к нему Карстен-

са, в которой так нуждался. И в зрелые годы Андерсен не забывал своего учителя. Став знаменитым, он продолжал писать ему письма, посылал свои книги и навещал.

Из отдельных отрывков сочинений Андерсена видно, что он разбирался в еврейских обычаях, знал законы иудейской религии. Симпатия к евреям часто просматривается.

В 1866 году Андерсен побывал в Амстердаме. Он приходит на симфонический концерт и записывает потом в дневнике: «Там была элегантная публика, но я с грустью отметил, что не вижу тут сыновей народа, давшего нам Мендельсона, Ха-Леви и Мейербергера, чьи блестящие музыкальные сочинения мы слушаем сегодня. Я не встретил в зале ни одного еврея. Когда же я высказал своё недоумение по этому поводу, то, к своему стыду – о, если бы мои уши обманули меня! – услышал в ответ, что для евреев вход сюда воспрещён. У меня осталось тяжёлое впечатление об унижении человека человеком, об ужасающей несправедливости, царящей в обществе, религии и искусстве».

Писатель дружил со многими еврейскими семьями, и евреи часто помогали ему. Например, семья Коллинов помогла юному драматургу получить образование в Копенгагене, добились для него королевской стипендии для учёбы в Латинской школе, брала на себя многочисленные хлопоты и расходы по устройству его быта. Без совета и помощи строгого, но заботливого господина Эдварда Коллина, Ханс Кристиан многие годы не принимал ни одного решения.

Дело в том, что как-то приснился Александру загадочный сон, в котором величественный старец в облачении священника появляется перед ним и объявляет обо всех его будущих победах и сражениях. Этот сон никак не выходил из головы царя. Теперь, увидев перед собой первосвященника, Александр узнал в нём того старца, что посещал его в сновидениях. И тогда он задал ему и окружающим его мудрецам шесть вопросов, давно уже его мучавших. От ответов на них зависела судьба города Иерусалима и его жителей. Вот что спросил Македонский, и что ответили ему мудрецы:

- 1) Кто мудрый на свете? – Тот, кто умеет правильно задавать вопросы и учиться у каждого, кого встретит.
- 2) Кто сильный на свете? – Тот, кто может побороть свои слабости.
- 3) Кто герой на свете? – Герой тот, кто может превратить своего врага в своего друга.
- 4) Кто уважаем на свете? – Тот, кто уважает самого себя.
- 5) Кто богат на свете? – Богат на свете тот, кто умеет радоваться тому, что имеет.
- 6) Кто счастлив на свете? – Счастлив муж, нашедший красивую жену, прекрасную в своих поступках. Поражённый мудростью услышанных им ответов, поднялся Александр Македонский вместе с первосвященником на храмовую гору и вознёс вместе с ним молитвы.

Двадцать с половиной веков прошло с той поры, но ответы, данные Александру Великому мудрецами, не утратили смысла и сегодня.

Константин РИШЕС.

Шесть вопросов Александра Македонского

Шёл 332-ой год до н.э. Победоносная армия Александра Великого неудержимо надвигалась на Иудею. Её прославленному полководцу царю Македонии из династии Аргеалов 24 года, четыре из которых он правил своей страной и покорял другие. Оставалось ему совсем немного – всего девять лет, за которые он успеет дойти до Инда, создать самую могущественную империю того времени, после чего, согласно преданию, будет отравлен собственной женой Роксаной. А пока его кавалерия подступала к стенам Иерусалима. Город, бывший ранее в союзе с заклятым врагом Александра персидским царём Дарием, ждала печальная участь быть разграбленным, а то и вовсе уничтоженным. Но, к счастью для населяющих его иудеев, этого не произошло. Город был спасён мудрецами. Вот как поведаль об этом римский историк Иосиф Флавий.

Когда первосвященник Иерусалимского Храма узнал, что Александр с войском на подходе к городу, он облачился в свои восемь храмовых одеяний и приказал, чтобы все остальные козны надели священные облачения. После этого они вышли за ворота Иерусалима, чтобы встретить царя. Завидев приближающегося к нему первосвященника, Александр сошёл с колесницы и, к всеобщему изумлению, просящийся перед ним ниц. Приближённые царя и сами козны пребывали в недоумении от такого неожиданного поведения царя. Лишь первосвященник знал его причину.

